

оппозиция. Авторы убедительно показали, что историю Румынии, Венгрии, международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе в целом нельзя понять без учета трансильванского фактора.

Весьма положительной оценки заслуживает освещение авторами позиции советского военного руководства в трансильванском вопросе, что имело важное значение при принятии политических решений и способствует многофакторному освещению авторами рассматриваемой проблемы. Читатель несомненно обратит внимание на решительные дей-

ствия маршала Р.Я. Малиновского, которые пресекли бесчинства румынских чиновников по отношению к мадьярскому населению Трансильвании.

Исследование выполнено на высоком научном уровне, выделяется не только глубиной освоения авторами проблемы, но и ее значением для оценки современных процессов, происходящих в этом регионе Европы и перспектив его развития.

О.А. Ржевский,
доктор исторических наук, профессор

В.В. Марьяна. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ЧЕХО-СЛОВАЦКИЙ ВОПРОС ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. 1939–1945 гг. Кн. 1. 1939–1941 гг. М.: “Индрик”, 2007, 446 с.; Кн. 2. 1941–1945 гг. М.: “Индрик”, 2009, 432 с.

Фундаментальный труд в двух книгах главного научного сотрудника Института славяноведения РАН д.и.н. В.В. Марьяной – серьезный научный вклад в историографию Второй мировой войны. Исследование выходит за рамки истории советско-чехословацких отношений периода войны и освещает многие стороны хода, итогов войны, роли отдельных государств и лиц, механизмы принятия важных международных решений и их последствия.

Автор предельно четко определяет характер своего труда – “конкретно-историческое исследование”. В нем нет абстрактно теоретических размышлений, а последовательно (подчас день за днем) рассматривается эволюция советских и чехословацких взглядов на развитие отношений двух государств, их этапы и сложные проблемы. Огромный массив документальных источников дает возможность автору по-новому взглянуть на эти отношения в годы Второй мировой войны, внести значительные, а иногда и радикальные коррективы в существовавшие ранее взгляды и оценки позиции СССР в чехословацком вопросе, отношения к Советскому Союзу различных чешских и словацких политических сил, а также взгляды и политику западных держав. И все это на основе материалов Архива внешней политики Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива РФ, Российского государственного военного архива, Архива Президента Российской Федерации, документов из архивов Чешской и Словацкой республик.

Без преувеличения труд В.В. Марьяной – первое комплексное исследование указанной проблемы в отечественной и чехословацкой историографии.

Структура обеих книг логична и соответствует хронологии развития важнейших событий: от Мюнхенского соглашения и расчленения Чехословакии до окончания войны, освобождения Праги и воссоздания чехословацкого государства.

В монографии (кн. 1) детально изложены отношения СССР со “второй республикой” Чехо-Словакией в октябре 1938 г. – марте 1939 г.; позиция СССР в связи с расчленением Чехо-Словакии и международная реакция на это событие. Подробно освещена позиция советского руководства в связи с формированием чехо-словацкой политической эмиграции: здесь особый интерес представляют детали переговоров посла СССР в Лондоне И.М. Майского с Э. Бенешом и Я. Масариком (кн. 1, с. 91–93).

Вполне оправдано большое внимание, которое уделяет автор анализу пакта Молотова – Риббентропа, внешней политики СССР в 1939–1940 гг. и чехо-словацкому резонансу на эту политику.

В книге объективно охарактеризованы англо-франко-советские переговоры накануне войны, советско-германский пакт о ненападении, начало мировой войны и новый курс Коминтерна, “западный поход” Красной Армии, советско-финская война и “русская” политика Бенеша. На первый взгляд – это разные проблемы. Но из книги видна их тесная взаимо-

связь. Взвешенно оценивается В.В. Марьиной позиция Коминтерна: «Выработанный Коминтерном курс, предполагавший выход из войны на путях пролетарской революции иллюзорно рассчитывавший на политическую зрелость рабочего класса, особенно немецкого, готового якобы объединиться в борьбе против мирового империализма с пролетариатом поработанных стран, не был адекватен тогдашним реалиям. Компартии, оказавшись в сложной и противоречивой ситуации, были дезориентированы и пытались “совместить несовместимое” – приспособить новую политическую линию Коминтерна к конкретным условиям своих стран и решению первоочередной важности задачи – борьбы против внешнего фашизма и его внутренних приспешников». В результате компартия “все более оказывалась в изоляции от широких слоев населения оккупированных чешских земель” (кн. 1, с. 112).

Особый интерес представляют главы первой книги, посвященные отношениям СССР с Протекторатом Богемии и Моравии в 1939–1941 гг., а также отношениям со Словакией, формированию чехословацкого легиона Л. Свободы, контактам советской и чехословацкой разведок в 1940–1941 гг.

После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз возобновились советско-чехословацкие дипломатические отношения. На территории СССР формируются чехословацкие воинские части, которые принимают участие в боях на советско-германском фронте. Активизируются связи Москвы с чехословацким эмигрантским правительством, обсуждаются (а в СССР – осуждаются) планы чехословацко-польской конфедерации. А вот идея советско-чехословацкого договора шаг за шагом продвигается к ее реализации. В 1944 г. начинается освобождение Чехословакии, а в дипломатическом мире возникают новые сложные проблемы мирного урегулирования.

Все эти сюжеты детально исследуются во второй книге рассматриваемого труда. Большое внимание уделяет автор характеристике Словацкого национального восстания осенью 1944 г. Учитывая противоречащие друг другу оценки этого восстания, есть смысл привести мнение автора монографии: “Словацкое национальное восстание (СНВ) – одна из самых ярких страниц в истории словацкого народа и крупнейшее событие в истории европейского движения Сопrotивления периода Второй мировой войны... Восстание, может быть, как никакое другое событие в истории словацкого народа привлекло к себе внимание исследователей. Ему посвящены десятки публикаций документов, сотни монографий и, вероятно,

тысячи статей, как на родине, так и за границей. Как всякое крупное историческое событие, СНВ сегодня оценивается по-разному, иногда даже диаметрально противоположно. Смена Чехословацкой парадигмы общественного развития в конце 1989 г., когда произошла так называемая бархатная или нежная революция, привела к увеличению числа открытых хулителей восстания, которые раньше не выходили за рамки пассивного недовольства официально существующими его оценками. Но одновременно мифы и легенды, которых и прежде было немало, сменялись новыми. Прошлое, по меткому выражению известного чешского историка В. Пречана, большого знатока истории СНВ, является полем битвы современников, которые свои проблемы рьят в исторические костюмы. С этим нельзя не согласиться” (кн. 2, с. 201).

По мере приближения окончания войны все большее внимание привлекал вопрос о послевоенном устройстве Восточной Европы. В связи с этим автор монографии отмечает: “Как известно, развитие событий во второй половине 40-х гг. привело по сути к установлению в странах Центральной и Юго-Восточной Европы режимов советского образца, но в 1944–1945 гг. столь быстрого прихода к монополюльной власти коммунистов Москвой не предполагалось. Наоборот, она сдерживала леворадикальные тенденции, проявлявшиеся в компартиях стран региона, советовала не спешить с выполнением программы-максимум. В том, что Советский Союз, по крайней мере на том этапе, отказался от идеи советизации стран сферы своего влияния, Сталину удалось убедить, в частности, даже Черчилля” (кн. 2, с. 304).

Новые данные и новые оценки событий предпоследнего года войны содержатся в большинстве глав второй книги монографии. Визит Бенеша в Москву, начавшийся 11 декабря 1943 г., беседы и встречи со Сталиным, Молотовым и другими советскими руководителями, подписание 12 декабря Советско-чехословацкого договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, начало договоренностей о военном сотрудничестве и дальнейшее формирование чехословацких воинских частей – главные темы освещаемых в книге советско-чехословацких отношений этого времени.

Продолжая свои давние исследования истории Закарпатской Украины, В.В. Марьиной рассматривает предысторию включения Закарпатья в состав СССР, чехословацкую и советскую позиции, особенно диалог Сталина и Бенеша о Закарпатье. В связи с этим вызывает сомнение утверждение автора, что “к концу 1944 г. Бенеш фактически уже освободился от иллюзий, которые он питал в отношении

Сталина и коммунистов некоторое время назад. Несовпадение, а точнее, противоположность слова и дела Москвы на освобожденной территории Чехословакии, т.е. в Подкарпатской Руси, вели к утере Бенешем веры в твердость обещаний Сталина, делали все более иллюзорными представления президента о возможности эволюции советского строя в демократическом направлении. Но вносить какие-либо коррективы во внешнюю политику было уже поздно: освобождение шло с востока, и если Бенеш хотел в ближайшее время попасть на родину, а он этого хотел, то ехать надо было через Советский Союз” (кн. 2, с. 296). Думается (и этому есть свидетельства самого Бенеша), что “освобождение от иллюзий” произошло у Бенеша гораздо раньше.

Заключают монографию две главы о предпосылках и формировании чехословацкого правительства, а также детальное освещение освобождения Праги, включая международные аспекты, начало восстания в Праге и ход, а затем завершение Пражской операции Красной Армии. Не обходит автор и спекулятивный сюжет, раздутый некоторыми публицистами, об “освободительной миссии” власовцев в Праге в начале мая 1945 г. Автор объективно описывает ход событий, ссылаясь на реальные факты, и приходит к выводу: “Верховное главнокомандование Красной Армии разработало план Пражской операции еще в начале мая 1945 г. По приказу Сталина ее начало было ускорено, и 9 мая утром танковые армии 1-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов вступили в Прагу, окончательно и полностью освободив ее от немцев. Продвигаясь на запад, части Красной Армии в течение нескольких дней завершили разгром немецкой группировки на территории Чехословакии. 11 мая в освобожденную Прагу прибыло чехословацкое правительство” (кн. 2, с. 376).

В этом выводе, к сожалению, допущена досадная опечатка: известно, что в освобождении Праги принимали участие войска 2-го Украинского фронта вместе с 1-м и 4-м Украинскими фронтами. А войск 3-го Украинского фронта там не было, они действовали на балканском направлении. Правда, в других разделах книги правильно указано, что на территории Чехословакии действовали войска 1, 2 и 4 Украинских фронтов.

Заслуживает одобрения тщательный отбор публикуемых в обеих книгах избранных документов, которые существенно обогащают содержание исследования в основном архивными источниками (часто в весьма квалифицированном переводе автора монографии). При этом иногда не обходится без некоторых погрешностей, например, в серьезном доку-

менте не очень сведущий читатель “узнает”, что И. Майский – министр иностранных дел Чехословацкой Республики (?!), а Я. Масарик – Чрезвычайный и полномочный посол СССР в Великобритании (?!) (кн. 2, с. 377).

Но этот упрек, вероятно, следует адресовать скорее редактору и корректору книги. Аналогичные погрешности встречаются и на других страницах второй книги.

Что касается рекомендаций автору, то они могут быть реализованы при переиздании труда В.В. Марьиной. Это очень желательно с учетом нынешнего мизерного тиража книги (500 экз.) и особенно с явной необходимостью издания двухтомника на чешском и словацком языках. При таком варианте целесообразно использовать часть неопубликованных еще документов “фонда Фирлингера” в Архиве Министерства иностранных дел Чешской Республики. Особенно донесения (“шифровки”) Фирлингера Бенешу и министру иностранных дел Крофте в феврале-апреле 1938 г., а также другие “шифровки”.

Желательно при переиздании труда внести некоторые коррективы в те разделы, где приводятся сведения об участниках Пражской операции. Это позволяют сделать новые данные, опубликованные в 2007 и 2009 гг.

Так, автор монографии указывает, что в ходе освобождения Праги “потери советских, румынских, польских и чехословацких войск составили 12 тыс. человек, 40,5 тыс. солдат и офицеров получили ранения” (кн. 2, с. 358). Мне представляется, что такое суммарное изложение нуждается в корректировке.

По последним данным людские потери в Пражской операции с 6 по 11 мая 1945 г. составили:

- по войскам 1, 2 и 4 Украинских фронтов безвозвратные – 11 265 человек; ранеными – 38 083 (всего – 49 348);
- по 2-й армии Войска Польского безвозвратные – 300 человек; ранеными – 587 (всего – 887);
- по 1 и 4 Румынской армии – безвозвратные 320 человек; ранеными – 1410 (всего 1730);
- по 1-му Чехословацкому армейскому корпусу безвозвратные – 112 человека; ранеными – 421 (всего – 533)¹.

Только на Ольшанском кладбище в Праге похоронены 436 павших советских воинов. “На других погостах Праги захоронено около 400 погибших солдат и офицеров. На скромных надгробиях большинства из них горестная дата – 9 мая 1945 г.”²

¹ Великая Отечественная без грифа секретно. Книга потерь. М., 2009, с. 173.

² Там же.

В другом официальном издании приводятся те же данные: “Потери сов. войск: безвозвратные – ок. 11,3 тыс. чел., санитарные – св. 38 тыс. чел.”³

На фоне всех этих данных вызывает удивление приведенное во второй книге монографии заявление по Пражскому радио 26 апреля 2008 г. историка Я. Шимона, что “при вступлении в Прагу погибли 30 красноармейцев. Всего же потери советских войск в боях за Прагу и окрестности составили примерно 500 солдат и офицеров” (кн. 2, с. 355). Хотелось бы думать, что это опечатки. И что означает – “при вступлении в Прагу”? В разные места шли ожесточенные сражения, никакого единого “вступления” не было.

Вот еще данные, уже не о человеческих жертвах, а о потере техники: в ходе Пражской операции потеряно 373 танка и самоходных артиллерийских установок, тысячи орудий и минометов, 80 боевых самолетов⁴.

Все эти сведения приведены не ради упрека автору монографии. Напротив. Высокая цена рецензируемый труд глубокого исследователя В.В. Марьиной, хочется, чтобы во

³ Военный энциклопедический словарь. Самое полное современное издание. М., 2007, с. 739.

⁴ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993, с. 294.

втором издании книги (а оно, повторяю, очень необходимо) были, по возможности, учтены и эти рекомендации.

Хотелось бы, чтобы читатель книги В.В. Марьиной, кроме “конкретно исторической” оценки деятельности Э. Бенеша, нашел бы и более обширную (общечеловеческую) характеристику этого крупного деятеля не только Чехословакии, но и политика, дипломата, ученого европейского масштаба. Он, пожалуй, более чем кто-либо сделал для Чехословакии, был яркой, но, увы, трагической личностью⁵.

Но это мнение автора данной рецензии, возможно не совпадающее с мнением других. Кстати, и в Праге Бенеша не все однозначно оценивают.

В заключение подчеркнем, что двухтомный труд В.В. Марьиной – это новое, оригинальное прочтение истории советско-чехословацких отношений в 1939–1945 гг.

И.И. Орлик,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Института экономики РАН

⁵ См. Орлик И.И. Эдуард Бенеш: годы побед и поражений. – Новая и новейшая история, 2008, № 5, с. 145–161.

THE END OF THE PACIFIC WAR. REAPPRAISALS. Stanford: Stanford University Press, 2007, XVIII, 331 p.
ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ НА ТИХОМ ОКЕАНО: НОВЫЕ ПОДХОДЫ. Стэнфорд, 2007, XVIII, 331 с.

Рассматриваемая коллективная работа издана в “Серии стэнфордских исследований ядерной эпохи” под редакцией американского историка японского происхождения Ц. Хасэгава. Память о войне на Тихом океане, пишет Хасэгава во “Введении”, до сих пор омрачает отношения между Россией, США и Японией. Не могут забыть о японской агрессии и народы Юго-Восточной Азии: попытки по возможности оправдать ее в японских школьных учебниках вызывают бурю протестов со стороны Китая и Южной Кореи. Если 60-летие победы над Германией отмечалось в России представителями 66 наций, то в связи с окончанием войны на Тихом океане в 2005 г. ничего подобного не проводилось (с. 1–2).

Хасэгава отмечает, что в историографии США существуют три направления: “ортодоксы”, “ревизионисты”, “новые ортодоксы”. По мнению “ортодоксов”, американские атомные бомбардировки были оправданны, поскольку вынудили Японию сдаться, что сохранило жизни миллионов американцев и японцев. “Ревизионисты” это отрицают, ибо Япония и так уже была разбита, а атомные бомбардировки имели целью шантаж СССР. Наконец, “новые ортодоксы” отводят решающую роль в окончании войны атомным бомбардировкам, но всё же признают известную роль и за вступлением в нее СССР. При этом споры сводятся в основном к вопросу о применении ядерного оружия. Между тем, важно полнее учитывать сочетание различ-